

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ:
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ
ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ АНГОЛЫ**

Современная эпоха, с одной стороны, характеризуется процессами глобализации (в том числе и на афроконтинентальном уровне), а с другой стороны — усилением регионализации и этнизации, возрождением и развитием этнических культур. Повсеместно это приводит к различным этнотрансформационным процессам и обострениям — так называемому «взрыву этничности» (национализму, трайбализму, этношовинизму, сепаратизму, ирредентизму и другим формам политизации этничности), что выдвигает на первый план проблему этнического самосознания.

Этническое самосознание подразумевает этническую идентичность и осознание межэтнических различий (этнических границ). Этническая идентичность, или просто этничность, — это тот компонент этнического сознания, который отражает представление индивида о себе как о представителе определенной (своей) этнической общности, т.е. этнической идентификации и межэтнической дифференциации.

Этническая идентификация (или самоопределение) — непосредственное определение индивидом своей этнической принадлежности, причисление себя к конкретной этнической общности (исходя из противопоставления «мы — они»), и связана она прежде всего с языковой идентификацией.

Язык, как известно, важнейший признак этноса. Язык и этнос, как правило, взаимозависимы, и этноним обычно совпадает с лингвонимом. По сути, лингвистическая общность — это одно из условий формирования этноса, связь этноса с языком естественна и устойчива, поэтому вполне закономерно, что генетические (генеалогические) лингвистические классификации широко применяются и для классификации этнических общностей.

Иными словами, принадлежность к языковой общности является основой этнокультурной идентификации, хотя в мире существует немало этносов, сменивших язык (прежде всего ирландцы, многие коренные народы Северной Америки и Сибири, в Анголе это, например, оваквисы, перешедшие на бантуссский язык кувале, а также койсанская общность кеде, говорящая теперь на кваньяма). Т.е. смена языка не всегда ведет к утрате этнической идентичности и исчезновению конкретного этноса (или, другими словами, признак языка как ведущего этнического определителя уходит на второй план, а на первый план выступают иные компоненты

этнической культуры — такие, как конфессия, этноспецифическая картина мира, этноаксиоматика (этнические ценности), этническая психология и ментальность, историческая память, мифы об общих предках и родной земле, традиционное искусство и др.). Кроме того, этническая идентификация зависит от степени знания своего родного языка и этнической среды, в которой проходила первичная и дальнейшая социализация индивида.

В социалингвистике принято различать родной и разговорный языки. Родным считается язык, усваиваемый ребенком в процессе его социализации и этнизации. Именно в этом качестве родной язык (*native language*) наиболее тесно связан с этническим происхождением. Если же индивид родился в этнически смешанной семье и живет в полиэтническом коллективе, где используют несколько языков, то родным языком считается язык матери (*mother tongue*, *Mutterschprache*). Разговорный язык — это основной язык бытового общения в семье и обществе (язык образования, производственного коллектива, государственного учреждения и т.д.). В полиэтнической среде преобладает язык либо более многочисленного этноса, либо этноса, более развитого в социально-экономическом или культурном отношении, либо этноса, господствующего в политико-административном отношении; в Анголе таким языком стал португальский.

Если обратиться к ангольской конкретике, то Ангола — государство полиэтническое, многоязычное и даже многорасовое. К тому же для Анголы характерна сложная многоуровневая структура языковой (язык — диалект — говор) и этнокультурной (суперэтнос — этнос — субэтнос) идентичностей. Так, народы амбунду, баконго и овимбунду, говорящие соответственно на языках кимбунду, киконго и умбунду, объективно стали мощными центрами этноязыкового притяжения, но при этом каждая из этих основных этнических и лингвистических общностей Анголы, как и большинство других, состоит из множества подразделений (от 10 до 20 и более) — так называемых субэтносов, «племен» и т.д. Например, среди амбунду — это луанго, нгола, унго, бондо и др., у баконго — вили, йомбе, соронго, каконго, зомбо, у овимбунду — биено, байлунду, уамбо, селе, мбиу и др.

Иерархия идентичностей создает условия для конструирования этничности, которая нередко приводит к этнизации политики и становится средством достижения групповых интересов (своего рода идеологией элиты для мобилизации «своей» этнической общности, как это было с баконго в ФНЛА и овимбунду в УНИТА).

Специфика ангольских этнокультурных процессов заключается еще и в том, что значительную группу населения составляют лица смешанного в расовом отношении происхождения — потомки от

браков португальцев с представительницами коренных негроидных этносов. Это мулаты, или, как их обычно называют, метисы (кабритуш, мулатуш и кафузуш), говорящие по-португальски.

Среди насущных практических проблем современного ангольского государства — актуализация определения факторов и механизмов сохранения и укрепления или же смены и утраты этноязыковой идентичности (различные варианты этнокультурных и этнолингвистических ориентаций как отражение интегративных и дифференцирующих процессов), выявление критерия идентичности, когда группа идентифицирует и сохраняет себя, т.е. границы «своих» и «чужих». Практика этнических процессов требует также осмысления взаимодействий этнической самоидентификации с владением родным языком и этнической вовлеченностью и осведомленностью о своей этнической культуре.

Следует заметить, что языковая и этнокультурная идентичность зависит от факторов, производных от глобальных процессов и локальных условий развития. Урбанизация, миграции, разные уровни включенности в сферы промышленности и предпринимательства, управления и менеджмента, образования и культуры, а также политика государства (прежде всего меры по сохранению и развитию языков) оказывают влияние на состояние этничности населения, в том числе и на вариабельность внутригрупповых различий уровня развития этнокультурной идентичности, которая, будучи неотъемлемой частью общей социальной идентичности, сосуществует с другими ее формами — расовой, конфессиональной, профессиональной, но прежде всего с гражданской (государственной, или национальной в западно-европейском понимании этого явления) и территориальной, когда, например, представитель народа амбунду осознает себя и ангольцем и африканцем.

А.М. Решетов

**С.П. ТОЛСТОВ И Д.К. ЗЕЛЕНИН:
К ИСТОРИИ ИХ СПОРА ОБ УЧАСТИИ ФИННОВ
В ОБРАЗОВАНИИ ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
грант 06–01–00598а

Начало открытого спора С.П. Толстова и Д.К. Зеленина по вопросу участия финнов в формировании великорусской народности, как представляется, следует датировать 1929 г., когда они в апреле 1929 г. на совещании этнографов Ленинграда и Москвы одновременно изложили свои взгляды по этому поводу.